

Влади Солерн

ТЫ МНЕ... ЖЕНА!

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С60

Солерн В.

С60 Ты мне... жена! / Влади Солерн – М.: Литнет, 2025. – 294 с.

ISBN 978-5-521-94344-9

Муж променял законную жену на любовницу – классика жанра. Только есть несколько жирных нюансов. На самом-то деле, я не настоящая жена изменника, а попаданка в тело этой несчастной. Разводов здесь якобы не бывает. А на моём запястье красуется поверх старой блеклой брачной татуировки совершенно другая, и я понятия не имею, откуда она взялась. Выходит, помимо уже имеющегося неверного муженька где-то бегают ещё один, и как знать, кто из них наименьшее зло. Впрочем, мне сейчас совершенно не до муженьков, свои собственные владения надо восстанавливать, так что и без мужиков хватает важных дел. Сами пусть между собой разбираются, кто кому... жена.



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94344-9

© Литнет, 2025
© В. Солерн, 2025

Глава 1

В спальню спиной вваливается в расхристанном виде мужчина, жадно посасывает губы полураздетой белобрысой девицы, елозит ладонями под её измятым платьем, охи-стоны-вздохи. Стена! Точнее сказать, любовник не особо бережно, в порыве страсти – не иначе – с глухим стуком приваливает девицу к стене, набрасываясь на её рот с особым остервенением, – зрелище, короче, то ещё.

Восседа на достаточно широком подоконнике, из-за шторки с интересом наблюдаю за любвеобильной парочкой – за каким чёртом мне это понадобилось? Да я как бы не собиралась подглядывать, хотела только кое-какие вещи владелицы этого тела забрать: по её памяти, муж хранил в кабинете её документы, а без этой идентификационной карточки просто никак. Нет, ну, можно, честно говоря, если сидеть запертой в четырёх стенах, а я и так уже насиделась сверх меры, достаточно.

Я знала, что у Сьеры Мортель, кем я сейчас и являюсь, муж придурок, ходок и мерзавец, что любовниц пачками меняет, это я тоже знала, вот только не рассчитывала попасть на подобную сцену. Зачем только спряталась за гардину, когда шаги услышала, сама не поняла, явно сработал рефлекс.

– Эри-и-ик, – тянет белобрысая со всхлипывающими стонами, и я наостряю ушки. О-у-у, это я вовремя заглянула. Давай, милая, не подведи! – А что, если твоя жена о нас узнает?

– Какая жена? – хрипит неверный, вылизывая женскую шею.

О как, этот кобель уже позабыл, что вообще-то окольцован.

– Твоя жена, – фальшиво мурчит девица. – Законная.

– Не узнает, Берти.

– Ну, Эрик, а вдруг? Видишь ли, мне на позорный столб совсем не хочется, а именно так с такими, как я, и поступают!

Муженёк стонет, но совсем не от удовольствия. Нехотя отстраняется от девицы.

– Моя жена ни о чём не может узнать, как минимум потому, что уже год не вылезает из дальнего поместья, больная она у меня, поняла? А если рискнёт, упеку в монастырь.

Тихо ржу. Мортель или очень наивный, или совсем дурак, либо же просто прикидывается. Всё его жена прекрасно знала о праздной жизни муженька, находилось немало «добрячков» бедняжку в эту вонь носом ткнуть, ни в какой монастырь упечь он бы её не смог – по той простой причине, что в святилище забирают в услужение только невинных девиц, а это равносильно Мортелю себя в мужской несостоятельности уличить.

Глупая как пробка девица кушает эту чушь и радостно кивает, тянется губёшками ко рту кобеля. Ну, всё, хватит. Сжимаю кулон, призывая свою горничную и компаньонку в одном лице, спрыгиваю с подоконника и выхожу в свет, театрально покашливаю.

Девица испуганно подпрыгивает, пищит на ультра ноте, кобель растерянно моргает, таращась на меня, словно привидение увидал.

– Это кто, Эрик?!

– Сьера? – возмущённо вопит муженёк. – Ты что здесь делаешь?

– Я что? – притворно удивлённо усмехаюсь, разглядывая парочку с интересом. – Это вы здесь что оба делаете? Впрочем, не отвечай, я увидела достаточно, – ворчу, шагая к кабинету муженька. – Документы заберу, и прощай.

– Что?

– Ты оглох? Говорю, вещи свои заберу и свалю, можешь не обращаться на меня никакого внимания, милуйся со своей чухоней, не отвлекайся, разрешаю.

– Не понял. Сьера!!!

– Не реви, болезный.

Мортель потрясённо за мной наблюдает, хлопает ресницами, пока я взламываю замок, затем замок сейфа, и достаю небольшую переливающуюся карточку с изображением лица бедной Сьеры, выгребая парочку мешочков монет, и тут муженька отрезвляет.

– Сьера, что ты делаешь? – орёт на ухо. Ну, точно, идиот.

Не устаиваю его вниманием и бодро перебираю ногами до выхода – на пороге топчется моя горничная.

– Леди, что прикажете?

– Вы выполнили договоренность?

– Да, мадам, всё уложено в саквояж.

– И драгоценности?

– Конечно, миледи.

– Чего-о-о? Мои драгоценности?! – вопит чухоня.

– Вообще-то, мои, – поправляю её, оглядывая сбиту с толку, растерянную парочку, и машу рукой. – Ну, пока. Веселитесь дальше. Всего нехорошего. Эрик, навещу через год или два, когда дитём соберусь обзавестись, – сообщаю напоследок неверному, с удовольствием наблюдаю за его посеревшей миной.

А он, кстати, даже очень ничего: статный, без пивного животика, чуть раскосые серые глаза и выдающийся... подбородок, но, боже мой, ужасный мудака. Подмигиваю муженьку и, взмахнув юбками (всегда мечтала так сделать), валю скорее на выход, пока неблагоприятный не очухался. Горничная семенит следом.

Скоро усаживаемся в мобиль, и водитель сразу же ударяет по газам, вырывается на проезжую часть. План, считаю, исполнен почти в полной мере. Единственная огреха – я планировала и муженька оставить в счастливом неведении о посещении мной городского особняка, собственно, шансы на это изначально имелись слишком призрачные, так что плевала я с колокольни, своего всё же добила.

– Моя леди, куда прикажете ехать?

Раздумываю недолго.

– В «Сладкие пальчики». Слышала, в этой пекарне отменный кофе и булочки.

Глава 2

Щурясь от наслаждения, лакомясь заварными трубочками, они, и правда, чудо как хороши. Крем нежный, плотный, просто экстаз. Кофе приятно горчит на языке, и всё бы было прекрасно, если бы над ухом не жужжала назойливой мухой моя дуэнья, – так и хочется ей трубочку в рот запихнуть, чтобы чем-то занять наждачный язык.

– Леди, негоже так обращаться с собственным мужем, – записю на повторе зудит худая как палка горничная в чопорно строгом чёрном платье. – Женская добродетель – всепрощение. Мужчины, они же как теля на верёвочке, поманишь их сладью задранных юбок, и бегут не разбирая дороги.

Жую усерднее.

– Мадам, ну, что же вы молчите? Мужская измена – вовсе не измена, они же все поголовно полигамны, им обязательно нужна любовь для здоровья, – тоном мозгоправа взламывает мне черепушку она. – Вы просто слишком молоды, леди, и многого не понимаете. Удел женщины – покорность и смирение, вам нужно было простить мужа за его маленькие грехи, выгнать любовницу и ублажить супруга.

Сочувственно гляжу на горничную и ласково уточняю:

– Каргина, напомни мне, будь добра, почему я тебя не уволила?

Женщина давится воздухом и с обидой взирает на меня.

– Потому, моя дорогая леди, что я единственная, кто остался вам предан, так вы говорили.

– Ага, – живо киваю, забрасывая в рот остатки сладости. – Напоминай мне об этом почаще, и себе заодно. Ты мне осталась предана, а не моему кобелю-мужу, так что, будь добра, вот всю эту каку, что выплюнула из своего рта, больше никогда не упоминай.

– Но, моя леди!

– Уволю!

– Поняла вас, мадам.

– Прекрасно, моя дорогая, – улыбаюсь благодушно, обтирая руки салфеткой. – Я на минутку.

– Мадам?

– В уборную отойду.

Каргина уныло кивает, принимается выхлёбывать чай, ну, хоть так.

Один единственный туалет оказывается занятым, вот только оттуда доносятся недвусмысленные стоны и шлепки. Возмущённо хлопаю по двери.

– Эй! Что за дела? Снимите себе номер и занимайтесь в нём чем угодно, это общественное место, между прочим!

Стоны становятся громче, шлепки интенсивнее, неизвестная девица орёт так, что кошки в период гона обзавидовались бы. А главное, на всю эту театральщину никто не обращает ровным счётом никакого внимания, мне из-за шторки видно, как бармен невозмутимо натирает чашки, официант с приклеенной улыбкой спокойно обслуживает гостей. Подозрительно.

Девица по ту сторону визжит, будто её там не того-этого, а режут, честное слово.

– Вы её там жрёте или что?

Стоны превращаются в медленные, тягучие, усталые.

– Фальшиво! – радостно заявляю. – Вылезайте давайте уже, фаянсовый друг один, а нас много. Моя очередь!

Щелчок замка, наружу первым делом белкой выскальзывает весьма симпатичная брюнетка с идеальной укладкой волосок-к-волоску, будто и не шпилили её минутой ранее, недовольно шурит голубые глаза и, фыркнув гордой кобылкой, царственно шествует в зал. Ухмыляюсь гаденько. Ишь, цаца.

Оборачиваюсь, сталкиваясь с очень высоким мужчиной, ухмылка малость увядает. Задираю голову, рассматривая скульптурное лицо, в том смысле, что такие лица бывают только на барельефах: точёные, с широкими скулами, падающими на высокий лоб чёр-

но-пепельными непослушными прядями, но больше всего выделяются темные инфернальные глаза, в которых проскальзывают зелёные разряды. Маг, причём сильный. Чёрт, в туалет как-то уже перехотелось.

Альфа-самец насмешливо оглядывает меня сверху вниз и обратно, интересуется пробирающим вибрацией голосом:

– Юбки не загадили, пока ожидали?

– Ну, знаете ли! – язвительно цежу. – Внимание своей цаце уделите, не стойте, бегите, наверняка она вас сильно ждет. И воды ей, что ли, купите, чтобы горлышко после столь наигранных стонов прополоскать, а то, знаете ли, чревато так связки драть. Всего доброго.

Фурией проскальзываю мимо извращенца, случайно ударяясь рукой о его руку. Морщусь от боли, из железа он, что ли, сделан? И хлопаю створкой перед аккуратным носом под тихий мужской смешок.

– Уверен, у тебя бы получалось стонать подо мной куда убедительнее, – очень тихо-вкрадчивое по ту сторону, чтобы слышала только я. – Я бы с удовольствием это проверил, но спешу, змейка.

Ошеломлённо моргаю. Чего? И что ещё, блин, за змейка?! Язык режут колкие слова, вот только вслух не произношу, да и некому уже их говорить, – извращенец, судя по удаляющимся шагам, успел до того, как я бы высказала всё, что думаю на его счёт. Не бежать же за ним, чтобы доказать, насколько мне безразличны его замечания. Сьера Мортель слишком для этого горда. Серафима Кошечка, кем я до этого являлась, в особенности!

Глава 3

В уборной совершенно ничего не говорит о том, что в этом священном для всех людей месте кто-то предавался непотребствам, – стерильная чистота. С подозрением оглядевшись, задумчиво глянула на дверь, догадываясь: кое-кто особенно дерзкий просто играючи воспользовался своей силой. Надо же, какой чистоплотный попался на пути извращенец.

Пожав плечами, занимаюсь своими делишками и зачем-то думаю о мужике.

Вот не отпускает меня его образ, где-то я это рыльце симпатичное уже видела, только где? То, что этот маг довольно-таки сильный, уже выяснила, возможно, он мелькал в новостях или в газете. Встретить раньше на улице я его не могла, только вчера прибыла из далекой провинции Кхер, а от неё досюда чуть меньше суток езды. Собственно, никакой разницы, где я могла его видеть, видела и видела, выкидываем этого быка из головы и успокаиваемся, сколько ещё таких извращенцев повстречается на моем веку.

Активировав фактерн¹ слива, предстала перед внушительным зеркалом, разглядывая девушку в отражении. И чего Эрику этому не хватало? Жена у него была довольно миленькой, если не сказать больше, в сравнении с чухоней и вовсе писанная красавица, так нет же, кобелю замухрышек подавай. Ещё один извращенец на мою голову.

Кстати, у Сьеры есть схожие черты с моим прошлым телом, но вынуждена признать: леди Мортель посимпатичнее меня прежней будет. Тонкокостное телосложение, худенькие плечи с чуть выпирающими косточками, упругая высокая грудь ближе к третьему размеру. Когда попала и оценила это тело, предположила: девушка

¹ Фактерн – магический артефакт. Прим. автора.

делала пластическую или магическую операцию по увеличению женского богатства. Ну, не может быть при таком худосочном теле такая приличная грудь. Однако, покопавшись в памяти девчонки, никакой информации на этот счет не нашла. Красивые светло-русые волосы, овальное лицо с миленькой ямочкой на подбородке, смешно вздернутый носик и наивные лазурные глаза.

Прелесть, самая настоящая прелесть и теперь она – это я, спустя год всё ещё не могу во всё это поверить. А её муж – самый настоящий слепой идиот. Тюбик. Его оплошность, пусть теперь локти кусает. Ещё не раз это повторю. И про локти, и про то, какая я теперь прелесть. Аха.

Вымыв руки, просушила с помощью суш-фактерна, в створку забарабанили, по ту сторону раздался сухой недовольный голос Каргины:

– Леди, вы там?

Нет, блин. Через вот то крохотное окно убежала.

– Здесь я, госпожа Рот, уже выхожу.

Отперев замок, предстала пред очами недовольно сопящей горничной, та придирчиво оглядела мой внешний вид, будто в чём-то подозревая, заглянула за плечо.

– Больно долго вас не было, леди.

Насмешливо выгибаю бровь. Любопытно, чем я могла, по её мнению, здесь заниматься? Фантазия тут же рисует недавнего извращенца, и я прикусываю губу, чтобы сдержать рвущийся наружу едкий смешок.

Каргина сопит, чопорно заявляя: она боялась, у меня после булок живот прихватило, а если бы это так и случилось, собиралась подавать жалобу на заведение. Гм. Заверив горничную в своём прекрасном самочувствии, возвращаюсь в зал, вот только перед тем как выйти из-за шторки, высовываю голову, прислушиваясь к звукам, затем скрываюсь внутри и снова высовываю. Так, ясно. Великий маг, прежде чем зажать в унитазной свою зазнобу, определенно воспользовался какими-нибудь экранирующими чарами.